

Священник Игорь Иванов

**СВЯТОЙ ФОТИЙ,
ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ,
О ФИЛОСОФЕ ИОАННЕ ФИЛОПОНЕ
(Bibliotheca: cod. 21–23, 43, 55, 75, 215, 240)**

В статье говорится о состоянии дел в современном изучении богословско-философского наследия святого Фотия, патриарха Константинопольского, и в частности о его труде «Библиотека». Кратко характеризуется ее тематическое содержание. Особое внимание обращается на анализ трудов византийского философа Иоанна Филопона. В статье приводится авторский перевод кодексов 21–23, 43, 55, 75, 215, 240, реферирующих разные сочинения этого мыслителя. Следует отметить, что богословско-философское содержание «Библиотеки» патриарха Фотия еще не переводилось на русский язык, в силу чего оно остается неизвестным, как преподавателям, так и учащимся духовных и светских высших учебных заведений. В статье также даются комментарии к упомянутым кодексам и анализируются отдельные моменты богословско-философской мысли Византии. При этом показывается, как в византийской интеллектуальной и образовательной среде сказывалось сосуществование разных богословско-философских традиций в контексте проблематики «континуитета — дисконтинуитета» эллинистической культуры.

Ключевые слова: византизм, византийское богословие, патрология, философия, континуитет, дисконтинуитет, богословие и образование, патриарх Фотий, Мириобиблион, Иоанн Филопон.

Святой Фотий (ок. 815–891), патриарх Константинопольский (858–867 и 878–886), известен как человек, сочетавший в себе широкую образованность, твердую православную веру и благочестие с административным, педагогическим и дипломатическим талантами. Его рукописное наследие весьма велико, но не всё оно еще доступно для изучения на русском языке. Так, если его письма, омилии и «Слово тайноводственное о Святом Духе» были переведены во второй половине XIX века (в основном профессором Е. И. Ловягиным) и изданы в журналах «Христианское чтение», «Прибавления к Церковным ведомостям» и «Духовная беседа»; то перевод избранных трактатов из «Амфилохий» увидел свет только в 2002 году. Что касается переводов фрагментов «Библиотеки», их делали как до революции, так и в советское время,

Священник Игорь Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургской духовной академии (igivan74@mail.ru).

но кодексы богословско-философского содержания не переводились. Началом восполнения этой лакуны в современной отечественной теологической науке и призвана стать данная публикация.

Предваряя непосредственный разговор о предмете нашей статьи, кратко рассмотрим обстоятельства жизни Фотия, способствовавшие появлению данного труда, в некоторых древних рукописях сопровождающего столь велеречивым названием: «Описание и перечисление книг, которые мы прочитали, и о которых наш любимый брат Тарасий попросил нас дать суммарное изложение».

Будущий патриарх Фотий родился в начале IX века в Константинополе. Семья его отличалась знатностью, благочестием и образованностью: отец, спафарий Сергей, приходился племянником восстановителю иконопочитания на VII Вселенском Соборе константинопольскому патриарху Тарасию (784–806), а брат матери, Ирины, был мужем Марии, сестры августи Феодоры. Во время гонений против иконопочитателей при императоре Феофиле (829–842) отец Фотия был осужден, имущество было конфисковано, вся семья была анафематствована и отправлена в ссылку (ок. 832/833 гг.). Впрочем, и в изгнании у родителей Фотия было достаточно средств, чтобы дать ему и его братьям (Сергию и Тарасию) приличное образование. Из-за тягот гонений Сергей и Ирина прожили недолго. После смерти их стали почитать исповедниками — в византийском синаксаре их память отмечается 13 мая.

После воцарения малолетнего Михаила III и его матери Феодоры (842 г.) Фотий с братьями вернулся в столицу, им было возвращено конфискованное имущество, а анафемы были сняты. Он начал преподавательскую деятельность в Константинопольском университете. Среди его учеников были просветитель славян св. Константин-Кирилл и известный богослов и писатель Арефа Кесарийский. Вскоре Фотий и его братья были удостоены высоких придворных чинов: Тарасий стал патриkiem, Сергей и Константин — протоспафариями, сам Фотий в чине протоспафария занял важную должность протоасикрита — начальника императорской канцелярии. В 845 или 855 г. Фотий участвовал в посольстве к арабскому халифу Аль Муттаваккилу, отправляясь в которое он составил послание своему брату Тарасию, впоследствии ставшее знаменитым как «Мириобиблион», или «Библиотека» — более или менее подробное описание прочитанных им книг.¹

¹ См.: *Dvornik F., Photius, Patriarch of Constantinople // New Catholic Encyclopedia, vol. XI — Washington, D. C.: The Catholic University of America, 1967. — P. 326.*

Появление «Библиотеки» в IX веке не было случайностью². Это время известно возрождением интереса к классической древности, расцветом науки, литературы и просвещения, энциклопедическими сборниками и ученым коллекционированием. Как пишет А. Калделлис, в это время «переписывалось и создавалось большое количество лексикографических и просопографических справочников, антологий и энциклопедий».³ Кстати, перу патриарха Фотия принадлежит также обширный «Лексикон», который он составил с целью облегчить чтение как античных авторов, так и Священного Писания. По своему значению его «Лексикон» вполне сопоставим с лексиконом второй половины X века под названием «Суда».

Сохранившиеся манускрипты «Библиотеки» были созданы в период с X по XVI век.⁴ Интересно, что два манускрипта «Библиотеки» Фотия были переданы в Венецианскую Республику кардиналом Виссарионом Никейским в 1468 году в составе собрания из 482 книг, и теперь они хранятся в *Biblioteca Marciana* (Венеция). В одной из них (Marc. gr. 450, Codex A) сочинение Фотия носит название «Опись и перечисление прочитанных нами книг».⁵ В итоге сочинение Фотия, сохранившееся в разных списках, дожило до времени книгопечатания — в 1601 году его издал Д. Хёшель в Аугсбурге, затем оно переиздавалось в 1643 году, а в 1824–25 в Берлине И. Беккер издал выверенную версию «Библиотеки». Так или иначе труд патриарха Фотия вошел в научный оборот

² «Идея написания «Библиотеки» возникла у Фотия из практики живого общения с любознательной молодежью, которая регулярно собиралась в его доме. На этих собраниях читались вслух и обсуждались сочинения античных и византийских авторов. Здесь осуществлялась начальная практика тех собраний интеллектуалов, которые впоследствии составили характерную черту культуры европейского Ренессанса. Лучшая характеристика Фотиева кружка принадлежит ему самому. «Когда я оставался дома, я испытывал величайшее из наслаждений, созерцая прилежание учеников, то рвение, с которым они задавали вопросы; их длительные упражнения в искусстве вести беседу, благодаря которым формируется знание; их изыскания в труднейших научных вопросах; их настойчивое изучение методов логики, чтобы отыскать истину; их обращение к теологии, которая ведет разум к благочестию — к тому, что составляет плод всех занятий. И такой хоровод был именно в моем доме», — писал Фотий папе Николаю» (*Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV. — М.: «Наука». 1978. — С. 25.*)

³ *Kaldellis A., Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition — Cambridge University Press — 2008. P. 180.*

⁴ Подробно о них см.: *Martini E., Textgeschichte der Bibliothek des Patriarchen Photios von Konstantinopel; Erster Teil: Die Handschriften, Ausgaben und Uebersetzungen, Leipzig, 1911.*

⁵ *Diller A., Photius' "Bibliotheca" in Byzantine Literature // Dumbarton Oaks Papers, Vol. 16. — 1962. — P. 389.*

новоевропейской гуманитарной науки в целом, и теологической мысли в частности, будучи не только первым библиографическим компендиумом средневековья, но и оставаясь ценнейшим источником по античной и византийской библиографии до сего времени.

В 1920 году английский ученый Джон Генри Фриз издал перевод «Библиотеки» Фотия на английский язык (*The Library of Photios, vol.1. Translated by John Henry Freese, Macmillan Company, London, 1920*). К сожалению, тогда вышел только первый том, содержащий 1–165 кодексы. Но уже в середине XX века работа над наследием патриарха Фотия продолжилась во Франции, и постепенно появилось наиболее полное комментированное издание его «Библиотеки», которое было осуществлено ученым Раймоном Анри, выпустившим ее в 8 томах — с параллельным текстом на греческом и французском языках: *Henry R., Photius. Bibliothèque. Paris: Les Belles Lettres. 8 vols., 1959–1977*).⁶ А в 1991 году в качестве 9 тома Ж. Шамп издал *Индекс* к «Библиотеке». В 2003 году вышло второе издание всех томов. В 1986–1999 года польский ученый О. Юревич издал «Библиотеку» Фотия в переводе на польский язык и с подробными комментариями (*Focjusz, Biblioteka, z języka greckiego przełożył wstępem i komentarzem opatrzył O. Jurewicz, t.1–5, Warszawa 1986–1999*). Также занимался изданием Библиотеки Н. Уилсон — он выпустил ее переводы на итальянском и английском языках (*Fozio: Biblioteca, Tr. per N. G. Wilson, C. Bevegni, Adelphi, Milan, 1992; Photios, Patriarch. The Bibliotheca: a Selection. Translated by Nigel Wilson. London: Duckworth Press, 1994*). На русский язык в советское время было переведено лишь несколько фрагментов из кодексов «Библиотеки» (Множество книг, или Библиотека (фрагменты) // Памятники византийской литературы IX–XIV веков, М., 1969).

«Библиотека» состоит из 280 глав. Традиционное в науке название каждой главы — «кодекс» (*codex*). Кодекс представляет собой небольшую заметку, излагающую содержание какого-нибудь произведения, иногда — нескольких произведений. При этом может даваться краткая характеристика творчества (например, стиля) какого-нибудь автора. Библиотека охватывает широкий круг древнегреческих и византийских авторов — хронологически от V в. до Р. Х. (историк Геродот) до IX в. по Р. Х. (византийский хронист Сергей Исповедник). Аннотируемые сочинения — по большей части прозаические — по тематике весьма разнообразны

⁶ Кодексы в них распределены следующим образом: 1 том — 1–83; 2 том — 84–185; 3 том — 186–222; 4 том — 223–229; 5 том — 230–241; 6 том — 242–245; 7 том — 246–256; 8 том — 257–280.

(среди них 158 церковных и 122 светских автора). Немаловажно то, что патриарх Фотий игнорировал в своих аннотациях общеизвестные тексты. Например, те, что входили в тогдашнюю образовательную программу, например, сочинения поэтов и классиков философии (Платон и Аристотель).⁷ В некоторых кодексах помимо рефератов самих произведений даются сведения об авторах, и порой приводятся критические оценки их стиля и содержания. Кроме того, нужно отметить, что примерно 60 светских и около 100 церковных сочинений, упомянутых в «Библиотеке», считаются ныне полностью или частично утраченными (например, сочинения Энесидема, Гегезиппа, Гиерокла, Геласия Кизического, Ипполита Римского, Ктесия, Диодора, Дионисия Галикарнасского, Юста Тивериадского, Диона Кассия и др.). Этот факт делает «Мириобиблион» Фотия особенно ценным для истории науки в отношении разных научных дисциплин.

Эрудированность патриарха Фотия наглядно видна по тематическому составу «Библиотеки», который выглядит так: *Теология*: cod. 1–2, 5–13, 25–26, 32, 38, 43, 51, 86, 106, 109, 110–114, 116, 125–126, 139, 141–144, 168, 170–174, 183–184, 191–207, 207, 222, 228–237, 240, 270–277; *Философия*: cod. 39, 44, 48, 151, 154–156, 181, 187, 212, 214, 215, 223, 241–242, 247–249, 251, 278; *Полемические труды богословско-философского характера*: cod. 4, 14, 21–24, 45–46, 49–50, 55–56, 75, 81, 85, 95, 102, 104–105, 107–108, 115, 117–118, 120–123, 130, 136–138, 140, 162, 169, 176–177, 179, 182, 208, 225–227, 280; *Риторика*: cod. 61, 74, 90, 100–101, 132–135, 158–160, 165, 185, 209, 211, 243, 259–268; *Филология*: cod. 73, 87, 94, 128–129, 145–150, 152–153, 157, 161, 239, 245–246, 279; *Деяния Соборов*: cod. 15–20, 52–54, 59, 88; *Церковная история*: cod. 27–31, 40–42, 89; *Историография*: cod. 3, 33–35, 47, 57–58, 60, 62–72, 76–80, 82–84, 91–93, 97–99, 127, 131, 175, 213, 224, 238, 244, 250; *Патристика*: cod. 96, 119, 252, 256–258, 269; *Мартиролог*: 253–255; *Мифология*: cod. 180, 186, 188–190; *Политика*: cod. 37, 103; *Медицина*: cod. 163–164, 178, 216–221; *Топография*: cod. 36; *Зоология*: cod. 278; *Разное*: cod. 124, 166–167.⁸

При этом нужно отметить, что, если судить по количеству кодексов в целом, «Библиотека» состоит на 56,4% из христианских и на 43,6% — из светских произведений. А по реальному объему (то есть по количеству страниц) будет наоборот — на 42% из христианских

⁷ Kazhdan A., *Bibliotheca / The Oxford Dictionary of Byzantium* — Oxford University Press — 1991. — P. 288.

⁸ Иванов И. А. «Мириобиблион» Фотия как источник по истории философии // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: гуманитарные науки. Научный журнал. Вып. 4 (55). СПб., СПбГИЭУ, 2012. С. 194.

и на 58% из светских текстов.⁹ Иными словами, из 168 авторов, упомянутых в «Библиотеке» — 99 представители светской образованности. Всего в «Библиотеке» упоминается 386 сочинений. Обобщая, можно сказать, что «Библиотека» патриарха Фотия включает в себе сведения о греческих грамматиках, ораторах (особенно аттических), светских и церковных историках, теологах, философах, естествоиспытателях и врачах. В ней также содержатся сведения о художественных, мифологических и агиографических произведениях. Фотий предстаёт как глубоко образованный учёный, остроумный собеседник и тонкий стилист, вполне владеющий приёмами античных мастеров риторики.

Если учесть, что в той или иной мере Фотий, еще будучи профессором Магнаврского университета в Константинополе, мог обсуждать эти произведения со своими учениками, и тот факт, что сам Мириобиблион предназначался потенциальным ученикам (как бы «в лице младшего брата Тарасия»), можно сделать вывод о некоей образовательной концепции Фотия. В ней однозначно почти равный удельный вес занимали светские и теологические работы, предназначенные для изучения. Конечно, было бы натяжкой говорить в современном ключе о фотианском «богословии образования», но о явной корреляции богословия и образования в Византийской державе в эпоху расцвета научного энциклопедизма вполне можно утверждать как раз на примере состава «Библиотеки» Фотия.

В данной статье мы остановимся на одном весьма плодovitом и специфическом философе и богослове, представителе Александрийской школы VI века, труды которого не мог не знать патриарх Фотий. Это — Иоанн Филопон.

Рассмотрим все записи патриарха Фотия об Иоанне Филопоне по порядку их расположения в «Библиотеке» (cod. 21–23, 43, 55, 75, 215, 240)¹⁰:

Cod. 21	Запись 21
Ἀνεγνώσθη Ἰωάννου Φιλοπόνου ὁ περὶ ἀναστάσεως λόγος ἐν τόμοις ..., ἐν οἷς τὴν τῶν σωμάτων ἀνάστασιν ἀναιρεῖ πολλά τε ἀπερισκέπτως λέγει, ἐπιχλευάζων καὶ τοὺς μακαρίου καὶ ἀγίου πατέρας ἡμῶν.	Прочитано сочинение Иоанна Филопона «О воскресении» в [...] томах. В этом произведении, он, отклоняя учение о телесном воскресении, говорит о многом невразумительно. Также он высмеивает наших блаженных и святых отцов.

⁹ Семеновкер Б. А. Библиографические памятники Византии. М., 1995. — С. 50.

¹⁰ Перевод этих кодексов осуществлен автором статьи с учетом версий перевода, сделанных на английском, французском и польском языках. Греческий текст представлен согласно версии Р. Анри.

Здесь говорится скорее о восприятии патриархом Фотием как самого Филопона, так и его трактата «О воскресении» нежели о конкретном содержании произведения. Также Фотий подчеркивает специфику отношения Филопона к православной традиции. Он явно стоит вне ее, поскольку позволяет себе некорректную стилистику в ее сторону.

Cod. 22	Запись 22
<p>Ἀνεγνώσθη Θεοδοσίου μονάζοντος τῶν ᾧ Φιλοπόνῳ Ἰωάννη παραληφθέντων χρήσεων κατὰ τῆς τῶν σωμάτων ἀναστάσεως ἐσπουδασμένη ἀνατροπή, καὶ παράθεσις ῥητῶν γραφικῶν τε καὶ πατρικῶν εἰς ἔλεγχον τῆς Ἰωάννου ματαιοπονίας.</p>	<p>Прочитал написанные монахом Феодосием опровержения аргументов Иоанна Филопона против воскресения. Тщетные усилия Иоанна он опровергает, основываясь на Священном Писании и святых отцах.</p>

В данной заметке конкретизируется метод опровержения тезисов Филопона неким монахом Феодосием с опорой на Священное писания и творения святых отцов. То, что в другом месте патриарх Фотий назовет «мистагогией» Церкви.

Cod. 23	Запись 23
<p>Ἀνεγνώσθη Κόνωνος καὶ Εὐγενίου καὶ Θεμιστίου κατὰ Ἰωάννου, τὴν περὶ ἀναστάσεως αὐτοῦ ματαιοπονίαν στηλιτευόντων· ἐν οἷς πολλὴν αὐτοῦ καταδρομὴν ποιοῦνται, ὥστε καὶ ἀλλότριον λέγειν αὐτὸν παντελῶς τοῦ δόγματος τῶν Χριστιανῶν. Καίτοι καὶ οὗτοι τῆς αὐτῆς αὐτῷ δόξης ἐκοινωνοῦν, τὴν ἐν Χαλκηδόνι, ὡς ἐκεῖνος, οὐ παραδεχόμενοι σύνοδον.</p>	<p>Читано из Конона, Евгения и Фемистия об Иоанне, где они не только клеймят его тщетные потуги против учения о воскресении, но и обличают его самого, говоря, что он был человеком, полностью чуждым христианского вероучения. При этом, они согласно с ним не признают решений Халкидонского собора.</p>

В этой записи показано, что Филопона критиковали не только православные мыслители, но и представители гетеродоксии. Здесь можно вспомнить, что за упрощенное недопонимание Аристотеля (и даже нападки на него) Филопона обличал и его философский оппонент Симпликий, говоря, что «душа Филопона одержима не разумом, а страстями и воображением»¹¹.

¹¹ Шичалин Ю. А. Иоанн Филопон // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Сметин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. II, Е — М. — С. 149.

Итак, мы видим, что три заметки посвящены трактату Иоанна Филопона «О воскресении», но кроме общей характеристики автора и его сочинения узнать из них ничего большего мы не можем.

Cod. 43	Запись 43
<p>Ἀνεγνώσθη Ἰωάννου τοῦ Φιλοπόνου εἰς τὴν ἑξαήμερον. Ἔστι δὲ ἐν τούτῳ τῷ βιβλίῳ καθαρὸς καὶ σαφὴς καὶ κρείττων τῇ λέξει ἑαυτοῦ, καὶ συμφωνῶν σχεδὸν ἐν τοῖς πλείστοις Βασιλείῳ τῷ μεγάλῳ, ἀντιπίπτων δὲ δι' ὅλου τῷ Μοψουεστίας Θεοδώρῳ, ὃς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν ἐνστησάμενος ἐρμηνείαν τῆς κτίσεως τὸ βιβλίον ἐπέγραψεν· οὗ τὰς δόξας διελέγχων ὁ Φιλόπονος τὴν ἐναντίαν ἐτρέπετο.</p>	<p>Читан трактат Иоанна Филопона «Шестоднев». Слог этой книги чистый, ясный и лучше, нежели в обыкновении у Иоанна. Его комментарии согласны во многом с «Шестодневом» Василия Великого, но в них он, пытаясь опровергнуть, выступает против учения Феодора Мопсуестийского, который на ту же тему написал «Толкование на книгу Бытия».</p>

В современной науке этот трактат традиционно называется «О сотворении мира». Интересно, что Фотий пишет о нем в двух кодексах — этом коротком и более пространным — 240. Критических замечаний к нему он не делает. Даже, наоборот, позволяет себе похвалить Филопона.

Cod. 55	Запись 55
<p>Ἀνεγνώσθη Ἰωάννου τοῦ Φιλοπόνου, μᾶλλον δὲ ματαιοπόνου, κατὰ τῆς ἀγίας καὶ οἰκουμένης τετάρτης συνόδου. Ἐν οἷς ἐστι τὴν μὲν φράσιν ὁμοῖος ἑαυτῷ, ὡθεὶν δὲ πειρᾶται ἀναισχύτως τὴν σύνοδον εἰς τὸ Νεστορίου φρόνημα, καὶ λέγει καταδέξασθαι τὴν σύνοδον τὸν ἀναθεματισμὸν Νεστορίου ἅτε μηδὲν ἡγουμένην εἰς ἄνθρωπον ἐξαμαρτεῖν ἐπὶ κυρώσει δόγματος, ὃ καὶ αὐτὸς ὁ βαλλόμενος τῷ ἀναθέματι πάντων ὑπερετίμα καὶ ἔστεργε, πρᾶγμα πλάπτων καὶ τερατευόμενος, ὃ τῆς ἐκείνου φρενὸς καὶ τῆς ἀστηρίκτου γνώμης καθέστηκεν ἄξιον. Τοιαῦτα μὲν κατὰ ταύτης ματαιολογεῖ καὶ θρασύνεται, ἐν τμήμασι δὲ τέσσαρσι ποιεῖται τὴν ὅλην κατ' αὐτῆς κωμῶδιαν, οὐδὲν πιθανὸν ἢ διανοίας λέγων ἐχόμενον.</p>	<p>Читано сочинение Иоанна Филопона (точнее Матеопона, «вотщетрудящегося»), направленное против Четвертого Святого и Вселенского Собора. Слог ему свойственный. Он бесстыдно тщится доказать, что собор поддержал ересь Нестория, заявляя при этом, что собор анафематствовал оногo, якобы лишь бы не повредить человеку, приняв учение Нестория, которое он (подвергнувшийся строгому прещению) столь основательно выпестовал, полагая его самым первостепенным вопросом. Вместе с тем Иоанн позволяет себе лживые и оскорбительные высказывания, избличая свое умственное состояние и шаткость суждений. Его дерзкие и тщетные утверждения, направленные против Собора, — ничто</p>

Cod. 55	Запись 55
<p>Ἀνεγνώσθη δὲ ἐν τῷ αὐτῷ καὶ Ἰωάννου ἄλλου, τὴν θρησκείαν Νεστοριανοῦ, κατὰ τῆς αὐτῆς ἁγίας τετάρτης συνόδου. Οὗτός ἐστιν ὁ Αἰγείατης, δυσσεβῆς μὲν, καλλιλεῖα δὲ καὶ τῷ ἡδεῖ μετὰ τῆς σαφηνείας καὶ λαμπρότητος κεχρημένος.</p>	<p>иное, как комедия в четырех актах, и они никоим образом не заслуживают ни доверия, ни признания разумом. В той же книге прочитал трактат другого Иоанна, несторианина — против того же четвертого Святого Собора. Хотя этот эгеец — человек нечестивый, речь его красива, блестяща и пронизательна.</p>

Стоит отметить язвительное замечание патриарха Фотия по поводу этого сочинения: «комедия в четырех актах». В самом деле, эта работа (CPG, N 7271) состоит из Четырех частей и написана против IV Вселенского Собора, по-видимому, после 553 г. О ней мы знаем постольку, поскольку до наших дней дошел ее сирийский перевод (но фрагментарно) в «Хронике» Михаила Сирийца (*Chronique de Michel le Syrien* / Ed. J.-B. Chabot. P., 1899–1910. 4 t.). Как пишет Г. И. Беневиц, «трактат направлен против Халкидонского Собора и дифизитской христологии, имеет полемический характер и контрастирует с умеренным тоном «Арбитра». Целью трактата является обоснование того, что в своих определениях халкидониты пришли к утверждению скрытой ереси Нестория. Пристальное внимание обращается на канонические и церковно-политические вопросы: это в основном критические замечания по поводу постановлений Халкидонского Собора и обличительных речей против примата Рима. Иоанн Филопон пытается показать, что анафемы Константинопольского Собора 553 г. в действительности ниспровергают Халкидонский Собор».¹²

Cod. 75	Запись 75
<p>Ἀνεγνώσθη Ἰωάννου τοῦ Φιλοπόνου βιβλιδάριον κατὰ τῶν ἐνθέως δογματισθέντων περὶ τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου τριάδος ὑπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως, τοῦ ἀπὸ σχολαστικῶν, ἐν τῷ κατηχητικῷ λόγῳ, ὃν εἶπεν ἐπὶ τῆς πρώτης ἐπιμεμήσεως βασιλεύοντος Ἰουστίνου.</p>	<p>Читано небольшое сочинение Иоанна Филопона против богодухновенного учения о Святой и Единосущной Троице, которое было озвучено как огласительное слово святым Иоанном Схоластиком, архиепископом Константинопольским при его первом наречении во времена правления василевса Иустина.</p>

¹² Беневиц Г. И. Иоанн Филопон / Православная энциклопедия. Т. 24. С. 628–647. // URL: <http://www.pravenc.ru/text/471531.html> (дата обращения: 20.10.2016).

Cod. 75	Запись 75
<p>Ἔστι δὲ τὴν φράσιν ὁμοίος ἑαυτῶ· σαφῆς τε γὰρ καὶ οὐδὲν μετέχων τόνου ἢ σεμνότητος. Τοῖς ἐπιχειρήμασι δὲ οὐ μόνον ἀσεβῆς, ἀλλὰ καὶ λίαν σαθρὸς καὶ ἀνίσχυρος καὶ μηδ' ἐπιπολαίῳ φαντασίᾳ τῆς ἀληθείας τὰ οἰκεῖα δυνηθεὶς ἐπιχρῶσαι κατὰ τῆς εὐσεβείας σοφίσματα· φύσεις γὰρ καὶ οὐσίας καὶ θεότητας καὶ θεοὺς πλασάμενος, ἐντεῦθεν ἀθυροστόμως πᾶσαν βλασφημίαν τῆς Χριστιανῶν καταχέει πίστεως, τὸ ἐν πόσα σημαίνει μικρολογῶν· κάκ τῆς τεχνικῆς αὐτοῦ, ὡς οἶεται, ματαιολογίας, μᾶλλον δὲ παιδαριώδους ἀπειροκαλίας, τὴν θεολογικὴν ἡμῶν ἐξουθενεῖν ἐφρουράζατο μυσταγωγίαν.</p>	<p>Слог автора вполне ожидаемо ясный, но лишенный энергии и благородства. Его аргументы не только кощунственны, но мало обоснованы, а посему слабы. Он показывает себя не способным придать даже подобие истины своим ложным положениям, обращенным против истинной веры. Изобретательно повествуя о «природе», «сущности», «божестве», о Боге Сотворившем¹³ (θεοὺς πλασάμενος), он показывает себя наглым болтуном (а так оно и есть) и изливает поток богохульств против христианской веры, вращаясь вокруг вопросов наподобие «а сколько же может быть в одном?» Таким образом, будучи упорным в своей гениальном суесловии или, вернее, в своем ребяческом желании всё испытать, он дерзко может похвалиться тем, что не нуждается в тайноводстве (мистагогии) нашей Церкви. Это касается не только этих конкретных аргументов, где он кажется слабым и глупым, но и во всех других работах, им написанных, за исключением тех, в которых он заимствовал у других при этом ложно претендуя на оригинальность.</p>

¹³ В сочинении *О вечности мира против Прокла* Филопон стремится доказать истинность христианского учения о происхождении мира чисто рациональным путем без ссылок на Откровение и опровергает учение неоплатоника Прокла о вечности мира, утверждая, что вечны лишь идеи, понимаемые в качестве творческих мыслей Божиих, совпадающих с промыслом, но осуществление их во времени ничего не прибавляет к божественному совершенству. То есть Филопон полагает, что по своей «способности» Бог всегда «был» Творцом, и «действие» не «прибавляет» к Нему ничего нового. По Филопону мир не может быть вечным, так как в таком случае причина была бы равна действию, если Бог произвел другое вечное, равное Ему, бытие. Вот, что он пишет по этому поводу: «[Бог] вечно имеет умозрения и логосы сущих, посредством которых Он является Творцом одним и тем же образом и никогда не меняется, творит ли Он или не творит. Ибо, вообще-то, неверно даже говорить, что способность и действие — различные вещи применительно Богу; оба — одно и то же, а различие возникает применительно к тому, что причастно им» (*О вечности мира, против Прокла*, 4.9: 76.23–77.3).

Cod. 75	Запись 75
<p>Οὐ μόνον δ' ἐν τούτοις ἐστὶ τοῖς ἐπιχειρήμασιν ἀσθενῆς καὶ ἀνόητος, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ἅπασιν αὐτοῦ συντάγμασιν, ὧν ἐστὶν αὐτὸς πατήρ, ἀλλὰ μὴ ἀλλαχόθεν ἐκκλέψας τὰς εὐρέσεις ὑπεβάλετο, λίαν ἐστὶν ἀπωκισμένος τῶν συνιδεῖν ἐχόντων τὸ ψεῦδος ἢ τάληθές καὶ τῶν εἰς δριμύτητα τεινόντων νοημάτων ἐφάψασθαι.</p> <p>Ἄ δ' ἐστὶν αὐτῷ ὑποβολιμαῖα, σῶζει μὲν τῶν φύντων τὸν χαρακτήρα, πλὴν ἔστι καὶ ἅ τῃ μοχθηρᾷ παρ' αὐτοῦ διαίτη καὶ διασκευῇ τοῦ λόγου τὸ γενναῖον καὶ ἀρρενωπὸν τῶν γεννησαμένων ἀπεβάλετο, καὶ ἔστιν ὡσπερ σύνθετα, φυὴν μὲν ἄριστα, τροφή δὲ καὶ διαίτη τὸ νόθον καὶ μοχθηρὸν ὑποφαίνοντα.</p> <p>Πλὴν ἀλλ' ἐν γε τούτῳ τῷ λόγῳ καὶ πατέρων ῥήσεις παραφέρει, τοῦ τε θεολόγου Γρηγορίου καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου, Ἀθανασίου τε τοῦ πολυάθλου καὶ τοῦ ἐν ἁγίοις Κυρίλλου· ἀλλ' οὐδὲν αὐτῷ συντελοῦσιν οὐδ' αὐταὶ εἰς τὸν προκειμένον καὶ ἠσεβημένον σκοπόν.</p>	<p>Он далек от тех авторов, которые знают, как отличить истинное от ложного, и способны достичь тонкости мысли. Что касается сочинений, ложно выдаваемых им за его собственные, как правило, они сохранили характер своих авторов, за исключением того, что в некоторых случаях его порочный стиль и витиеватость уничтожили благородную весомость первоначальных авторов.</p> <p>[Эти сочинения] похожи на искусственно скрещенные породы, которые, естественно, могут быть отлично сложенными, благодаря уходу, с которым они выращиваются, но со временем в них выявляются признаки не подлинности и вырождения.</p> <p>В этом сочинении он приводит цитаты из святых отцов, таких как Григорий Богослов, Василий Великий, Афанасия, поборника за веру, а также святого Кирилла, но они ни в коей мере не могут помочь ему в его нечестивых замыслах.</p>

Пожалуй, это единственный кодекс, посвященный Филопону, где патриарх Фотий касается некоторых аспектов богословско-философской методологии Иоанна, а точнее, его аристотелевского подхода к применению понятий «природа» и «сущность» к «божеству» и к учению о Святой Троице. Известно, что Филопон так обосновывает свои монофизитские воззрения: исходя из того положения, что природа и ипостась — одно и то же, он выводит, что если во Христе одна ипостась, то должна быть и одна природа, а в Троице каждой ипостаси приписывает и особую природу. Иными словами, существуют только индивидуумы, которые — при однородности подводятся под одно понятие, когда общая им природа или сущность отвлекается от них и мыслится отдельно. И три лица Святой Троицы — по Филопону — суть отдельные индивидуумы и лишь постольку, поскольку от них отвлекается общая

им природа-божество, они могут мыслиться в единстве — подобно тому, как три индивидуума Петр, Павел, Иоанн образуют единство лишь в понятии „человек”. Филопон, таким образом, может быть назван предшественником номиналистов. Фактически его взгляды были результатом применения к догмату троичности учения Аристотеля об отношении общего к частному.

Cod. 215	Запись 215
<p>Ἀνεγνώσθη Ἰωάννου τοῦ Φιλοπόνου κατὰ τῆς σπουδῆς Ἰαμβλίχου, ἣν ἐπέγραψε περὶ ἀγαλμάτων. Ἔστι μὲν οὖν ὁ σκοπὸς Ἰαμβλίχῳ θεῖα τε δεῖξαι τὰ εἶδωλα (ταῦτα γὰρ ὑποβάλλει τῷ ὀνόματι τοῦ ἀγάλματος) καὶ θείας μετουσίας ἀνάπλα, οὐ μόνον ὅσα χεῖρες ἀνθρώπων κρυφίᾳ πράξει τεχνησάμεναι διὰ τὸ ἀδῆλον τοῦ τεχνίτου διοπετῆ ἐπωνόμασαν (ταῦτα γὰρ οὐρανίας τε φύσεως εἶναι κάκειθεν ἐπὶ γῆς πεσεῖν, ἐξ οὗ καὶ τὴν ἐπωνυμίαν φέρειν συνεστήσαντο), ἀλλὰ καὶ ὅσα τέχνη χαλκευτικὴ τε καὶ λαξευτικὴ καὶ ἡ τεκτόνων ἐπιδήλω μισθῷ καὶ ἐργασίᾳ διεμορφώσαντο.</p> <p>Τούτων οὖν ἀπάντων ἔργα τε ὑπερφυῖ καὶ δόξης ἀνθρωπίνης κρείττονα γράφει ὁ Ἰάμβλιχος, πολλὰ μὲν ἀπίθανα μυθολογῶν, πολλὰ δὲ εἰς ἀδήλους φέρων αἰτίας, πολλὰ δὲ καὶ τοῖς ὀρωμένοις ἐναντία γράφειν οὐκ αἰσχυρόμενος.</p> <p>Εἰς δύο δὲ τὴν ὅλην πραγματείαν τέμνει, τὴν μὲν μείζονα καλῶν, τὴν δὲ ἐλάττονα.</p>	<p>Прочитан трактат Иоанна Филопона против сочинения Ямвлиха «О статуях». Целью Ямвлиха было показать, что идолы (то есть «статуи») — божественны, так как исполнены присутствия божества. В равной степени это относится к рукотворенным и к нерукотворенным статуям. Последние так называются в силу анонимности автора и считаются ниспосланными с неба, как бы изваянные свыше (как будто бы они в самом деле имели небесную природу и от падения на землю заслужили сие название). Но божественными также называются и статуи, сделанные посредством искусства кузнеца или скульптора, или иного мастера — ради самого искусства или за плату.</p> <p>Ямвлих пишет: произведения мастеров превосходят природу и преодолевают образ мысли человеческой. И он не краснеет ни от изобилия слов, повествующих о множестве невероятных вещей, почерпнутых им из мифов; ни от их соединения с неясными причинами, ни от их отрицания очевидностей.</p> <p>[Отметим, что Ямвлих] разделяет свой трактат на две части: большую и меньшую. И согласно этому именует их.</p>

Cod. 215	Запись 215
<p>Καθ' ἑκατέρας δὲ τούτων καὶ ὁ Φιλόπονος ἴσταται, λέξει μὲν κεχρημένος ἤπερ εἰώθει, καὶ τὴν συνθήκην δὲ εἰς τὸν ὅμοιον ἑαυτῷ τύπον ἀρμοζόμενος· τοῦ μὲν γὰρ καθαροῦ καὶ εὐκρινοῦς οὐκ ἀποκλίνει, οὐ μέντοι γε τῇ λογάδι καὶ ἀπτικίζουσῃ φράσει καλλωπίζεται. Καὶ τοὺς ἐλέγχους δὲ τῶν Ἰαμβλίχου λόγων πολλαχοῦ μὲν γενναίους τε καὶ δι' αὐτῶν ἐρχομένους τῶν πραγμάτων ἐπιδείκνυσιν, ἐνίοτε δὲ ἐπιτόλαιον τὴν ἀνασκευὴν φέροντας καὶ πρὸς ὄνομα γινομένους καὶ πόρρω τοῦ ἀπτεσθαι τῶν εὐθυνομένων φερομένους καίτοι ῥάδιον κάκεινων πρὸς ἔλεγχον ἐκκεμμένων, καὶ ἐξ ἑαυτῶν προβαλλομένων τὸ ἀνίσχυρον.</p>	<p>Филопон критикует обе, используя обычный свой лексикон и свою привычную манеру сочинения; он соблюдает правила четкости и ясности, но ему не достает изящества аттической речи. Его возражения на тезисы Ямвлиха сильны и опираются на факты. Тем не менее, он контр-аргументирует поверхностно и буквально, слишком уклоняясь от сути полемики, хотя тезисы оппонента не сложно опровергнуть ввиду их очевидной слабости.</p>

Вероятно, на основании этой записи можно сказать, что у Ямвлиха было отдельное произведение «О статуях». Возможно, оно как-то повторяет один из сюжетов его сочинения «О египетских мистериях», где мы видим практически дословно интерпретирующий главную идею текст: «Что же касается изваяний (изображений богов, идолов, за почитание которых иудеи особенно порицали египтян, утверждая, будто те полагают их богами) и божественных символов, то сами они, конечно, не являются богами, но если они освящены подобающими жреческими действиями, то содержат некую частицу божественной силы»¹⁴.

Cod. 240	Запись 240
<p>Ἀνεγνώσθη ἐκ τῶν Ἰωάννου τοῦ Φιλόπону εἰς τὴν ἑξαήμερον. Ὅτι τὸ σύγγραμμα Σεργίῳ τῷ Κωνσταντινουπόλεως προσφωνεῖ, ἐκείνου προτροπῇ τοῦτον ὑπελθεῖν τὸν πόνον προομιαζόμενος. Τὸν δὲ σκοπὸν εἶναι φησι σύμφωνον δεῖξαι τοῖς φαινομένοις τὴν τοῦ θεσπεσίου Μωσέως κοσμογένειαν.</p>	<p>Прочитал ряд комментариев Иоанна Филопона на «Шестоднев». Он посвятил это сочинение Сергию константинопольскому, о чем говорит в предисловии, что согласно настоянию последнего принял за исследование вопроса, как согласовать учение досточтимого пророка Моисея с наблюдениями над миром.</p>

¹⁴ Ямвлих. О египетских мистериях / Пер. с древнегреч., вступительная статья Л. Ю. Лукомского. Комментарии Р. В. Светлова и Л. Ю. Лукомского. — М.: Изд-во АО «Х. Г. С.», 1995. — С. 6–7.

Cod. 240	Запись 240
<p>Ἐπισημασθῆναι τῷ Μωσῆϊ οὐτε φυσιολογῆσαι οὐτε ἀστρονομῆσαι, ἀλλ' εἰς θεογνωσίαν καὶ διὰ τῆς κοσμογονίας ἀνθρώπους ἀγαγεῖν, καὶ παραστῆσαι ὅτι δὴ τὸ μέγα τοῦτο καὶ λαμπρὸν τοῦ κόσμου δημιούργημα ἔχει τὸν Θεὸν ποιητὴν, καὶ οὐτε αὐτόματον ἔσχε τὴν ὑπαρξίν οὐτε ἀγέννητον τὴν ὑπόστασιν καὶ τῷ Θεῷ συναΐδιον. Καὶ Πλάτωνα δὲ τὸν παρ' Ἑλλησι νομισθέντα σοφώτατον, καίτοι πολλαῖς ὕστερον γενεαῖς γεγονότα καὶ οὐ πλήθει τυχόντι τοὺς λόγους ποιούμενον ἀλλὰ τοῖς ἐπὶ φιλοσοφίᾳ τῶν ἄλλων προῦχουσι, ὅμως Μωσέα δείκνυσιν ἐν τῇ τῆς κοσμογονίας αὐτοῦ διηγήσει ἐκμμούμενον. Πολὸν μεγαλοπρεπέστερον Μωσέα Πλάτωνος τεθεολογηκέναι παρίστησιν.</p> <p>Ἐπισημασθῆναι οὐδ' ὅλως τῶν ἐν τῇ κοσμογονίᾳ τοῦ Προφήτου τῇ τοῦ παντὸς διατάξει ἀσύμφωνον· τούναντίον δὲ καὶ πολλὰ τῶν ὕστερον αἰτιολογηθέντων ὑπὸ τῶν φυσικῶν ἐκ τῶν Μωσέως γραφέντων εἴληφε τὴν ἀρχήν.</p> <p>Ἐπισημασθῆναι ἐν πολλοῖς ἀξίως τὸν μέγαν ἀποθειάζει Βασίλειον, καὶ Θεόδωρον τὸν Μοψουεστίας, εἰ καὶ μὴ ἐν πᾶσιν οἷς ἐπαιτιᾶται, ἀλλ' οὖν οὐκ ἐν ὀλίγοις ἐπιλαμβάνεται δικαίως.</p> <p>Ἐπισημασθῆναι τῆς ἀρχῆς πολλαχῶς φησι λεγομένης τὸ ἐν ἀρχῇ νῦν τὴν κατὰ χρόνον ἀρχὴν δηλοῦν. Κατὰ χρόνον δὲ λέγειν φησὶν οὐχ οὗ τῆς γενέσεως προηγεῖται χρόνος, ὡς ἡμῶν ἐκάστου, ἀλλὰ τὸ πρῶτον τοῦ χρόνου νῦν, ἐν ᾧ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν παρήγαγεν ὁ Θεός, παντὸς χρονικοῦ χωρὶς διαστήματος. Πᾶσιν γὰρ ἀρχὴν ἑτέραν εἶναι πάντως φησὶ, οὐπερ λέγεται</p>	<p>Моисей не намеревался повествовать ни об астрономии, ни о природе, но желал привести человека к богопознанию через рассматривание творения. Он хотел показать, что мир как величественное произведение есть создание Творца, а вовсе не самостийен и не образован из материи нетварной и совечной Богу.</p> <p>И даже Платон, который считается среди греков мудрейшим, живший после Моисея и писавший свои книги не для плебеев, но для мужей, просвещенных в философии, подражает в чем-то Моисею в своем повествовании о мире. Филопон считает, что Моисей говорил о Творце более возвышенно, нежели Платон.</p> <p>Иоанн отмечает, что согласно Пророку, в рассказе о миротворении нет ничего, что не согласовывалось бы с наблюдаемым порядком во Вселенной. Напротив, многое, что позднее было объяснено естествоиспытателями, имело исходное основание в писаниях Моисея.</p> <p>Многажды Иоанн справедливо хвалит творения Василия Великого и Феодора Мопсуестийского, хотя последнего он порой в чем-то упрекает без осуждения, но и соглашается с ним во многом.</p> <p>Этот последний утверждает, что слово <i>начало</i> имеет много значений, в силу чего <i>в начале</i> указывает на временной аспект, что по мысли автора означает не то, что время предшествует появлению на свет, как это происходит с нами, но исходное <i>ныне</i> — это время, когда Бог сотворил небо и землю, без какого-либо временного интервала.</p>

Cod. 240	Запись 240
<p>ἀρχῆ· καὶ τοῦτο διὰ παραδειγμάτων κατασκευάζει. Ὡστε ἐν ἀρχῇ τοῦ χρόνου καὶ οὐκ ἐν χρόνῳ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ἐποίησεν ὁ Θεός. Ἀλλ' ἐν τούτῳ σημαίνόμενον τῆς ἐν ᾧ γέγονεν ἀρχῆς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Δεύτερον τὸ πρῶτον τοῦ κατασκευάσματος μόριον, ὡς ἀρχῆ ἢ τρύπις τοῦ πλοίου καὶ οἱ θεμέλιοι τῆς οἰκίας. Δῆλον δ' ὅτι καὶ κατὰ τοῦτό φησι τὸ σημαίνόμενον τῆς ἀρχῆς δυνατὸν ἐννοῆσαι τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ἐν ἀρχῇ γεγενῆσθαι· οἷον γὰρ θεμέλιον καὶ ἀρχὴν τῶν γεγονότων ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν προκατεβάλετο. Κατὰ δὲ τὰ ἄλλα τῆς ἀρχῆς σημαίνόμενα οὐκέτι.</p>	<p>Ибо <i>всеначало</i>, говорит он, совсем иная вещь, нежели просто <i>начало</i>. И подтверждает это примерами. Вот почему Бог сотворил небо и землю в начале времен, а не во времени. И слово <i>начало</i> означает только одно: момент, когда небо и земля были сотворены. С другой стороны, <i>начало</i> означает — первый этап создания, как киль — начало кораблю, а фундамент — дому. И очевидно, что таким же образом можно понимать, что небо и земля были созданы в качестве начала. Небо и землю положил Господь как основание и принцип всех вещей мира. Что касается других значений слова <i>начало</i>, то с ними дело обстоит иначе.</p>
<p>Ἵτι ἀντὶ τοῦ ἐν ἀρχῇ ἐν κεφαλαίῳ εἰπὼν ὁ Ἀκύλας δίδωσιν ἐννοεῖν ἀντὶ τοῦ συνηρημένως καὶ ὁμοῦ γενέσθαι τὸν οὐρανὸν σημαίνειν τὸ ἐν ἀρχῇ· οὐδὲ γὰρ τὸ μὲν αὐτῶν πρότερον, τὸ δὲ ὕστερον γέγονεν· εἰώθαμεν γὰρ κεφάλαιον καλεῖν τὴν ἐν ἐνὶ πολλῶν ἅμα συναίρεσιν· καὶ πολλῇ ἢ χρήσις. Ἐδήλωσε δὲ καὶ ἡ τῆς <σύν> προσθήκη, συνδυασμὸν ὡς τὰ πολλὰ δηλοῦσα. Καὶ γὰρ εἰπὼν· «Ἐν κεφαλαίῳ ἔκτισε σύν τὸν οὐρανὸν, σύν τὴν γῆν» ἐναργῆ παρέσχε τὴν δήλωσιν τοῦ ἅμα γενέσθαι τὰ δύο. Τινὲς τὸ ἐν κεφαλαίῳ οὐχ οὕτως, ἀλλ' ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τοῦ σώματος τῆς κεφαλῆς αὐτὸ λογιζόμενοι ἐσηματίσθαι, εἰς τοιαύτην ἀρχὴν αὐτὸ μετεilhφασιν.</p>	<p>Поменяв в своем переводе ἐν κεφαλαίῳ на ἐν ἀρχῇ, Акила предлагает считать, что выражения συνηρημένως τὸ, ἐν ἀρχῇ означают, что появление неба и земли произошло неразрывно и одновременно; в самом деле, ни то, ни другое не появилось прежде друг друга. Мы обычно называем словом κεφάλαιον то, что объединяет части в единство целого. Именно в этом смысле это слово употребляется наиболее часто. А в выражении συνηρημένως τὸ приставка σύν означает в большинстве случаев соединение двух частей. Так фраза «Ἐν κεφαλαίῳ он создал небо и землю» выражается мысль, что они произошли в одно и то же время ἐν κεφαλαίῳ. Некоторые не понимают это выражение ἐν κεφαλαίῳ подобным образом, но, считая, что это надуманная метафора, взятая от понятия «голова» как главная часть тела, интерпретируют это выражение со значением «главное».</p>

Cod. 240	Запись 240
<p>Ἔστι, φησίν, οὐρανὸν καὶ γῆν εἰπὼν διὰ τῶν ἄκρων καὶ τὰ μέσα συμπαρεῖληφεν, ὡς καὶ πάντα φασίν. Ἄκρα δὲ εὐλόγως ταῦτα καλεῖται, ὅτι γῆ μὲν κέντρον τοῦ παντὸς ἐπέχουσα κάτωθεν πάντων ἐστὶν ἀρχή, πέρασ δὲ ὁ πάντα περιέχων οὐρανός. Πάλιν ἄνωθεν ἀρχὴ μὲν ἐστὶν ὁ οὐρανός, πέρασ δὲ ἡ γῆ, μέσα δὲ ὕδωρ καὶ ἀήρ καὶ πῦρ. Διὸ φησιν ἐφεξῆς: «Καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου», τὸ μὲν ὕδωρ ἄβυσσον εἰπὼν, τὸ δὲ σκότος τὸν ἀφώτιστον ἀέρα· καὶ γὰρ κυρίως σκότος ἐστὶν ἡ τοῦ φωτὸς ἀπουσία. Καὶ ἡ συνήθεια δὲ σκότος τὸν ἀφώτιστον λέγει ἀέρα, ἥτοι τὸ νυκτερινὸν τοῦ ἀέρος κατάστημα ἢ καὶ τὸ ἄλλως πως συμβαῖνον.</p>	<p>Говоря о небе и земле, он объединяет их как «крайние основания» так, как если бы хотел сказать о единстве «всего». Конечно, их справедливо называют таким образом, поскольку земля, будучи центром вселенной, — основание для всего, что вне ее; а небо, будучи покровом всего, — усвершенствует вселенную. С другой стороны, нисходя, небо становится началом всего, а земля завершением. А посреди них: вода, воздух и огонь. Вот почему он продолжает: «...и тьма над бездною» (Быт 1:2); он именует воду бездною, а воздух тьмою, поскольку он лишен света. В самом деле обычно тьмою называют сумрачный или ночной воздух, или другие подобные случаи.</p>
<p>Ἔστι τὸ ψηλαφητὸν σκότος τοῖς Αἰγυπτίοις σκότος ψηλαφητὸν εἰρησθαι διὰ δύο αἰτίας, ἢ ὅτι μηδεμία ἀκτὶς τῶν οὐρανίων εἰσεκρίνετο τῷ ἀέρι διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ παχύτητα καὶ οἶον ψηλαφητὴν καὶ δυναμένην αἰσθησθαι ἀντιτυπίας τοῖς ἐπαφωμένοις παρέχειν, ἢ ὅτι διὰ τὸ ψηλαφητὸν τὰ στερεμιώτερα τῶν σωμάτων δίκην τυφλῶν καὶ οὕτω τὰς μεταβάσεις ποιεῖσθαι, ἢ καὶ αὐτὸ τοῦτο γνωρίζειν οὕτω τὰ ψηλαφώμενα.</p>	<p><i>Осязаемая тьма</i> (Исх 10:21), которую ощущали Египтяне, говорит он, так называется по двум причинам: либо потому что ни один луч не пронизывает ее в силу ее густоты, так что можно ощутить ее плотность касанием; либо по образу продвижения в ней наподобие слепых, которые ощупывают пространство перед собой; либо сама тьма так воздействует, что воспринимается осязимо.</p>
<p>Ἔστι ἄβυσσος παρὰ πᾶσι τὸ πολὺ καλεῖται ὕδωρ καὶ εἰς βάθος χωροῦν ἄληπτον ἡμῖν, παρὰ τὸ μὴ νύειν εἰς αὐτό· διὸ καὶ Μωσῆς ἄβυσσον ἐκεῖνο τὸ ὕδωρ καλεῖ. Πλὴν καὶ ὕδωρ αὐτὸ κατονομάζει· «Καὶ πνεῦμα» γὰρ «Θεοῦ ἐπεφέρετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος». Τοῖς ὕδασι γὰρ ὁ ἀήρ ἐπινηχεται. Αὐτὸ δὲ τὸ τοῦ ἀέρος ὄνομα παρὰ τῆ Μωυσέως οὐκ ἔστι γραφῆ, ἢ μήπω ἐχούσης τότε τῆς Ἑβραϊδος διαλέκτου ἀφωρισμένον ὄνομα τῷ ἀέρι, ἢ ἀρκομένου Μωυσέως διὰ τοῦ ὕδατος τῆς φωνῆς ἄμφω δηλοῦν.</p>	<p>Все называют «бездной» глубоководное место, в котором невозможно обнаружить дна. Вот почему Моисей называет эти воды бездной, прежде чем назвать их водою, говоря: «И Дух Божий носился над водою» (Быт 1:2), поскольку воздух простирается над водою. Моисей еще не использует само понятие «воздух», либо потому, что у евреев тогда еще не было точного слова для обозначения оногo, либо потому, что ему было достаточно</p>

Cod. 240	Запись 240
<p>πολλή γὰρ ὕδατος καὶ ἀέρος ἢ κοινωνία, καὶ πολλάκις ἐν τοῖς ἐξῆς ἐπ' ἀμφοῖν κέχρηται τῷ ὀνόματι.</p> <p>Ὅτι τοὺς Ἀγγέλους καὶ μηδαμοῦ τῆς προαγωγῆς αὐτῶν ἐμνήσθη Μωσῆς, ἅτε τῶν ἐγκοσμίων ἱστορίαν παραδιδούς, ἀλλ' οὖν οὐδὲ δεῖ λέγειν ὡς συνυπέστησαν, φησίν, ἢ καὶ ὕστερον γεγόνασιν οὐρανοῦ, πρότερον δέ. Καὶ τοῦτο πειρᾶται καὶ φυσικώτερον καὶ ἐκ τῶν θείων λογίων παριστάνειν, ὡς δῆθεν πρὸς Θεόδωρον ἀπομαχόμενος, καὶ τὰς παρ' αὐτοῦ κομιζόμενας ἀποδείξεις ὅτι σὺν οὐρανῷ γεγόνασιν ἀνασκευαζόμενος, καὶ σύμφωνον τὸν μέγαν ἐπικομιζόμενος Βασιλείου, ὑπὲρ οὗ καὶ δοκεῖ Θεοδώρῳ διαμάχεσθαι. Ἀνακεφαλαιούμενος οὖν τὰς ἀποδείξεις δι' ὧν τοὺς Ἀγγέλους μὴ συνυποστῆναι τῷ κόσμῳ παριστάνειν ἠγώνιστο, φησί· «Σκόπει τοίνυν ἐκ πόσων αὐτῶν ἢ ὑπερκόσμιος συνῆκται γένεσις, ἐκ τοῦ μήτε Μωσέα μήτ' ἄλλην θεόπνευστον γραφὴν ἅμα τῷ κόσμῳ γεγόνενα αὐτοὺς εἶπεῖν, ἐκ τοῦ μήτε σώματα εἶναι μήτε συνδεδέσθαι σώμασιν ὀργανικοῖς ὡσπερ τὴν ἡμετέραν ψυχὴν, ἐκ τῆς ὑπερκοσμίου δυνάμεως αὐτῶν, ἐξ ὧν τὸ θεῖον διηνεκῶς θεωροῦσιν, ὧν οὐδὲν τῶν ἐγκοσμίων μετέχει· ἐκ τοῦ μηδὲ τὰς ἀλόγους ψυχὰς συγκαταβεβληῆσθαι τοῖς σώμασι, καίτοι χωρὶς σωμάτων μὴ δυναμένας εἶναι· ἐκ τοῦ μὴ τὴν ἀνθρωπίνην ψυχὴν μηδὲ τῷ ἰδίῳ συνυποστῆναι σώματι· τὸ μὲν γὰρ ἐκ γῆς, ἢ δὲ καθ' ἑαυτὴν θειοτέρας ὑπὸ Θεοῦ μετέσχε γενέσεως».</p>	<p>обозначить оба элемента одним словом «вода». В самом деле «воздух» и «вода» имеют много общих характеристик и часто этим одним словом обозначается как то, так и другое.</p> <p>Моисей не упоминает о сотворении ангелов, как если бы он писал об истории только этого мира. Но не стоит считать, — говорит автор, — что они существовали одновременно с небом и землей, или, что они были сотворены после, а не до того. Он пытается это доказать от естества и от Священного Писания, воюя с Феодором и его идеями, согласно которым ангелы были сотворены одновременно с небом. Он приводит в свою поддержку свидетельство Василия Великого, также оспаривающего мнение Феодора. Суммируя аргументы в пользу воззрения, что ангелы не были сотворены одновременно с небом, он пишет: «Посмотрим же, с чего выводится, что их творение может быть небесным: 1. Ни Моисей, ни иной священный текст не говорит о том, что они сотворены одновременно с миром; 2. Они бестелесны и не связаны как наши души с телесным организмом; 3. Их сила превосходит энергии мира; 4. Они созерцают Бога непрерывно, чего не может делать никто из тварного мира; 5. Души, лишённые разума не были сотворены с телом, хотя они не могут существовать без тела¹⁵; 6. Человеческая душа также не сотворена одновременно с телом, поскольку тело создано из праха земного, а душа, по своей собственной природе, причастна божественному происхождению».</p>

¹⁵ Имеются в виду животные.

Большей частью в этом реферате речь идет о богословско-филологической экзегезе первых строк книги Бытия, что говорит о том, что Фотий здесь проявился как внимательный филолог. Краткий пассаж про природу ангелов интересен, поскольку показывает ход рационалистических рассуждений Филопона; но, к сожалению, он лишен какого-либо подробного богословско-философского комментария со стороны Фотия, который ограничивается обще-методическим замечанием: «[Филопон] пытается это доказать от естества и от Священного Писания».

Выводы:

1. Прежде всего нужно отметить, что по каким-то причинам патриарх Фотий посчитал нужным прокомментировать в своей «Библиотеке» только следующие произведения Иоанна Филопона: «О воскресение тела», «О сотворении мира», «О трактате Ямвлиха о статуях» и «Против огласительного слова патриарха Сергия», то есть всего четыре сочинения. При этом в кодексе 75 есть свидетельство, что Фотий прекрасно знаком с прочими работами Филопона: «Это касается не только этих конкретных аргументов, где он кажется слабым и глупым, но и во всех других работах, им написанных, за исключением тех, в которых он заимствовал у других при этом ложно претендуя на оригинальность». Красноречиво и метко сказано о творчестве плодовитого александрийского философа.

2. Далее характерно, что большее внимание Фотий уделяет трактату «О сотворении мира» («Шестоднев»), из чего можно сделать вывод, что это сочинение, возможно, воспринимается им как более-менее приемлемое для чтения учениками.

3. Также отметим, что Фотий не ведет бесполезной полемики с реферируемым автором, отмечая те сочинения (или фрагменты их), которые кажутся ему однозначно предосудительными с точки зрения чистоты православной веры; и внятно реферируя те произведения, которые содержат богословские теологумены.

Таким образом, «Библиотека» позволяет нам увидеть некоторые особенности педагогической методологии патриарха Фотия, стремящегося, пожалуй, не только квалифицировать концептуальную суть и стилистическую адекватность анализируемых произведений, но и сформировать у читателя определенный православный вкус и круг чтения,

как в светском, так и в теологическом изводе содержательной базы византийской книжной сокровищницы. Именно такой здравомыслящий и внутренне выверенный православный подход к культурному наследию и к мыследеятельности современников может быть методологически адаптирован к педагогическим и научным целям и задачам в российской гуманитарной традиции.

Источники и литература

1. *Беневич Г.И.* Иоанн Филопон / Православная энциклопедия. Т. 24. С. 628–647 // URL: <http://www.pravenc.ru/text/471531.html> (дата обращения: 20.10.2016).
2. *Иванов И.А.* “Мириобиблион” Фотия как источник по истории философии // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: гуманитарные науки. Научный журнал. Вып. 4 (55). СПб., СПбГИЭУ, 2012. С. 192–197.
3. *Семеновкер Б.А.* Библиографические памятники Византии. М., 1995. — 232 с.
4. *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета IX–XV. — М.: «Наука». 1978. — 300 с.
5. *Ямвлих.* О египетских мистериях / Пер. с древнегреч., вступительная статья Л. Ю. Лукомского. Комментарии Р. В. Светлова и Л. Ю. Лукомского. — М.: Изд-во АО «Х. Г. С.», 1995. — 288 с.
6. *Diller A.* Photius’ “Bibliotheca” in Byzantine Literature // *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 16. — 1962. — P. 389–396.
7. *Dvornik F.* Photius, Patriarch of Constantinople. // *New Catholic Encyclopedia*, vol. XI — Washington, D. C.: The Catholic University of America, 1967. — P. 326–329.
8. *Hägg T.* Photios als Vermittler antiker Literatur. Untersuchungen zur Technik des Referierens und Exzerpieren in der Bibliothek (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Graeca Upsaliensis, 8) — Uppsala, 1975. — 218 p.
9. *Henry R.* Photius. Bibliothèque. — Paris: Les Belles Lettres. 8 vols. 1959 — 1977.
10. *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition — Cambridge University Press — 2008. — 482 p.

Priest Igor Ivanov. Saint Photius, the patriarch of Constantinople, about a philosopher John Philoponus. (Bibliotheca: cod. 21–23, 43, 55, 75, 215, 240).

The paper concerns the actual situation in modern studies of byzantine theology, especially in Photius studies. It describes the contents of “Bibliotheca” written by Saint Photius, the patriarch of Constantinople, and gives the translation of some of its texts consecrated to the compositions of one byzantine philosopher John Philoponus. Some remarks on the Photius’ analysis of Philoponus’ heritage are given. We should say that the huge part of theological and philosophical codices of “Bibliotheca” have not been translated yet into Russian. And that is why many Russian scholars and students both of secular and theological institutes and academies do not know about the theological content of “Bibliotheca”. This article deals with these matters in the context of co-existence of different ideological and pedagogical lines in Hellenistic and Christian «continuity – discontinuity» in medieval byzantine culture.

Keywords: byzantine studies, byzantine theology, patristic studies, philosophy, continuity, discontinuity, theology and education, patriarch Photius, Myriobiblion, John Philoponus.

Priest Igor Ivanov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of the Department of Foreign Languages at St. Petersburg Theological Academy (igivan74@mail.ru).